

О СООТНОШЕНИИ НЕЗНАКОВЫХ И ЗНАКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОГОВЫХ И НЕСЛОГОВЫХ ЯЗЫКАХ

Прежде чем перейти к изложению основных вопросов, составляющих предмет статьи, целесообразно дать толкование терминов, вынесенных в ее заглавие.

По вопросу о понимании термина «знак» и том, какие единицы языка следует считать знаковыми, существует к настоящему времени литература, обширность которой делает практически невозможным обсуждение содержащихся в ней мнений и их оттенков в рамках небольшой статьи. Поэтому мы ограничимся указанием на то, что в дальнейшем будем исходить из наиболее распространенной концепции, согласно которой знак есть двусторонняя сущность, конституируемая означающим (десигнатором) и означаемым (десигнатом). Поскольку сочетание означающего с означаемым присуще лишь единицам языковых уровней выше фонологического¹, то именно эти единицы будут знаковыми, а единицы фонологии — незнаковыми.

При ином понимании знака проблему легко переформулировать как соотношение унитаральных и билатеральных единиц, что никак не скажется на ее существе.

---

¹ Существующую концепцию, согласно которой планом содержания фонемы выступает ее различительная функция, мы не учитываем, так как эта концепция расширяет понятие плана содержания до такой степени, что оно становится, в сущности, неопределимым. Что же касается точки зрения о том, что план содержания — это информация в теоретико-информационном смысле, а фонемы несут информацию и, следовательно, обладают планом содержания [1, 38—39], то, как нам представляется, эта точка зрения переводит рассмотрение в существенно иной план: дело в том, что при таком подходе единицы, несущие информацию, должны противостоять единицам, не несущим информации, но в теоретико-информационном смысле такими единицами были бы те, появление которых полностью предсказуемо, т. е. характеризуемо вероятностью, равной единице. В этом случае оказалось бы, что незнаковые единицы — это, например, такие морфемы, как предлоги, надежные окончания, употребление которых полностью предсказуемо по управляющей глагольной форме, и т. п.

Употребление понятия слоговых языков в последнее время стало довольно распространенным применительно к таким языкам, как китайский, вьетнамский, бирманский и т. п., однако, в сущности, это понятие не получило удовлетворительного определения. Представляется, что для такого определения необходимыми и достаточными являются следующие два признака: 1) в слоговых языках десигнатор морфемы не может быть представлен последовательностью, фонологически меньшей, чем слог (а в подавляющем большинстве случаев представлен именно слогом); если в русском, например, языке морфемы могут обладать десигнаторами «в», «л» и т. п., т. е. единицами меньшими, чем слог, то в слоговых языках это невозможно²; 2) граница слога в слоговых языках задана однозначно и не может перемещаться, когда морфема, десигнатором которой выступает данный слог, участвует в разного рода сочетаниях. Иначе говоря, если для русского языка обычны случаи типа *лук* — *лу-ка*, где слоговая отнесенность к меняется, то в слоговых языках это исключено. Из этого следует также, что в слоговых языках фонологически невозможны амбисиллабические согласные, т. е. такие согласные, которые допускают отнесение к разным (из смежных) слогам, например: *крыль-я* и *кры-лья*.

Таковы особенности слоговых языков, которым неслоговые языки (например, современные индоевропейские) противопоставляются отсутствием указанных признаков³. Заметим, что эти признаки не характеризуются какой-либо логической необходимостью, не следуют из той или иной интерпретации данных, а принадлежат преимущественно к области эмпирически устанавливаемых фактов.

Говоря о соотношении незнаковых и знаковых единиц, понимаемых таким образом, как это изложено выше, легко заметить, что это соотношение заключается в следующем: незнаковые единицы представляют собой элементы, конституирующие десигнаторы знаковых единиц, по существу, это почти переформулировка определения знаковых и незнаковых единиц. Уже в силу этого приведенное выше утверждение недостаточно информативно. Кроме того, оно не отражает особого характера взаимоотношения знаковых и незнаковых единиц в типологически разных языках.

---

² Особого рассмотрения требуют случаи, подобные китайской эризаци, некоторые особенности тибетского языка, на чем сейчас мы не будем останавливаться, полагая, что при надлежащей интерпретации такие факты также могут быть объяснены с позиций общей теории слоговых языков.

³ В дихотомию «слоговые языки — неслоговые языки», по-видимому, не укладываются такие языки, как малайско-полинезийские, для которых первый из двух указанных признаков принимает положительное, а второй — отрицательное значение. Такие языки требуют особой характеристики, и на них не распространяются выводы настоящей работы.

Для получения более содержательной информации следует рассмотреть существенные свойства фонологических единиц. Вполне естественно, разумеется, обратиться прежде всего к свойствам фонемы.

В том аспекте, который нас сейчас интересует, существенные свойства фонемы суть следующие. Во-первых, фонема есть кратчайшая, т. е. линейно минимальная, единица плана выражения. Иначе говоря, фонема представляет собой предел функциональной сегментации. Если учесть, что ближайшей знаковой единицей, десигнатор которой членится на фонемы⁴, является морфема, то можно сказать, что фонема — предел функциональной сегментации десигнатора морфемы. Во-вторых, фонема — актуально или потенциально — может самостоятельно составить десигнатор морфемы, т. е. представляет собой минимум, необходимый для существования (сегментной) морфемы. По первому признаку фонему можно назвать «минимальной по сегментации» единицей, по второму — единицей, «минимальной по конститутивности». Существенно, что оба эти признака одновременно присущи фонеме.

Из сказанного ясно, что соотношение фонемы — минимальной незнаковой единицы — и морфемы — минимальной знаковой единицы — состоит в том, что фонема: а) есть предел сегментации десигнатора морфемы; б) есть минимум, необходимый для конституирования десигнатора морфемы.

В зависимости от того, какие диагностические критерии вводятся в определение фонемы, указанное соотношение фонемы и морфемы выступает либо как простая парафраза этого определения, либо как эмпирически устанавливаемый факт. Иными словами, истинность такого соотношения в любом случае является очевидной.

Если это — столь очевидное свойство фонем и морфем, то, казалось бы, уместно ожидать его сохранения для любого языка, ибо в любом языке есть минимальные знаковые единицы, т. е. морфемы, а что касается фонем, то в работах по теории универсалий высказывание «в любом языке есть фонемы» фигурирует как пример наиболее тривиальной универсалии [3, 34].

Однако на самом деле это соотношение действительно лишь для неслоговых языков. В слоговых же языках попросту отсутствует единица, которая была бы одновременно ми-

⁴ Здесь и далее, говоря о «традиционной» фонеме и ее соотношении с десигнатором морфемы, мы не учитываем возможную оговорку: можно, вероятно, утверждать, что десигнатор морфемы членится на слоги, а уже слоги представляют собой последовательности фонем. В пользу этого говорят и наличие определенных дистрибутивных закономерностей фонем, обнаруживающее существование особых слоговых моделей, и реализация дифференциальных признаков отдельных фонем в пределах всего слога, и, кроме того, некоторые свидетельства речевых расстройств. Для нас это уточнение сейчас несущественно.

нимальной по сегментации и минимальной по конститутивности (а именно на существовании такой единицы и основано описанное выше соотношение). Ранее слоговые языки были определены как отличающиеся именно тем, что в них для конституирования морфемы необходим минимум слог, следовательно, в этих языках единицей, минимальной по конститутивности, выступает слог.

Что же касается единиц, минимальных по сегментации, то в слоговых языках это инициаль и финаль, т. е. начальный согласный слог и вся его остальная часть. Именно эти единицы — части слога, а не элементы, лишь относительно «связанные» слогом, — выступают здесь минимальными с точки зрения функционального членения.

Справедливость такого способа представления фонологических единиц слоговых языков находит свое обоснование в целом ряде свидетельств разного характера, в том числе и не только морфологического, однако подробно останавливаться на освещении данного вопроса значило бы выйти за рамки нашей непосредственной темы; см. об этом [2]; [4]. Заметим лишь, что такая трактовка очень хорошо согласуется с филологической традицией соответствующих стран, в первую очередь Китая с его развитой школой описания звуковой стороны языка, восходящей к эпохе Сун [6]. Кроме того, как показывает материал разных слоговых языков, только эти фонологические представления дают возможность объяснить фонологическую диахронию слоговых языков наиболее непротиворечивым образом.

Подчеркнем также, что и в том случае, если исследователь «упорствует» в своем стремлении отыскать в слоговом языке вполне традиционные фонемы, даже и в этом случае соотношение морфемы с фонологическими единицами в слоговых языках несводимо к положению в неслоговых языках, так как и при этом в слоговых языках не обнаруживается фонологической единицы, минимальной одновременно по сегментации и по конститутивности.

Такой единицей можно было бы признать слог, если бы удалось показать его абсолютную монолитность, но этому определенно мешают факты как синхронического функционирования слога, так и фонологической диахронии слоговых языков, на которых мы также не можем специально останавливаться⁵. Ясно, конечно, что и в случае неделимости слога в

---

⁵ Точку зрения об эквивалентности китайского слога («силлабемы») традиционной фонеме высказывал, как известно, Е. Д. Поливанов. Однако эта точка зрения проводилась им непоследовательно, ибо он вместе с тем признавал возможность деления китайского слога на «ряд психофонетических единиц низшего порядка» [5, 3], хотя термин «психофонетический», заимствованный у И. А. Бодуэна де Куртене и раннего Л. В. Щербы, означает «фонологический».

слоговых языках «двойная минимальность» слога отличала бы эти языки от неслоговых, где представлена «двойная минимальность» фонемы.

Итак, возвращаясь к исходному представлению о фонологическом устройстве слоговых языков, мы должны констатировать следующее: если в неслоговых языках оба существеннейших свойства фонологических единиц, в которых как раз и проявляется их соотношение со знаковыми единицами, одновременно присущи фонеме, то в слоговых языках эти свойства распределены между разными единицами разных уровней: инициалами — финалями, с одной стороны, и слогом — с другой. Иначе говоря, в аспекте сегментации аналогом фонем неслоговых языков выступают инициалы и финалы, в аспекте же конститутивности — слог.

Таким образом, уже применение к материалу слоговых языков термина «фонема», с которым ассоциируются представления о вполне определенных свойствах, сопряжено с известными условностями, и, следовательно, кажущаяся очевидной до банальности универсалия «во всех языках есть фонемы» нуждается в существенных оговорках и пояснениях.

Выше говорилось о соотношении фонологических единиц и морфем. Представляется, что это принципиально важное обстоятельство, т. е. фонологические единицы непосредственно соотносятся не с любыми знаковыми единицами, а именно с морфемой. Укажем для сравнения: предложение тоже сложный знак, однако, вероятно, вызвало бы интуитивный протест утверждение, что означающее предложения сформировано непосредственно фонемами⁶. По-видимому, также нельзя согласиться с тем, что фонемы (в слоговых языках слог или слог) непосредственно образуют десигнаторы слов.

Обычно говорят (и даже вводят соответствующее утверждение в определение фонемы), что фонема различает (конституирует) оболочки морфем или слов и их форм. Представляется, что здесь налицо по меньшей мере неточность изложения. Начнем с того, что «или» здесь вообще неприменимо: если имеется в виду слабая дизъюнкция, то это утверждение примет значение «истинно», когда морфемы не различаются, а слова различаются, что с лингвистической точки зрения невозможно, т. е. ложно; если же имеется в виду строгая дизъюнкция, то утверждение примет значение «ложно» тогда, когда различаются и морфемы и слова, что с лингвистической точки зрения также, разумеется, неприемлемо. Если вместо «или» ввести в формулировку «и», то, не анализируя подробно логическую сторону, можно сказать, как уже упоминалось выше, что невозможна ситуация, при которой фоне-

---

⁶ Считают даже, что означающим предложения является его синтаксис, а означаемым — семантика (ситуация).

мы различали бы слова, но не различали их морфем, «через» которые они входят в слова, поэтому дополнение формулировки утверждением относительно «слов» просто не нужно.

Фонемы, таким образом, различают именно десигнаторы морфем и, строго говоря, соотносятся только с ними. Следовательно, нельзя утверждать, что десигнатор слова сформирован фонемами: слово состоит из морфем, десигнатор слова состоит из десигнаторов морфем, а уже последние, т. е. десигнаторы морфем, формируются из фонем.

Такое уточнение носит отнюдь не схоластический характер и важно в особенности для слоговых языков. Проиллюстрируем это сравнением двух примеров (идеализированных), один из которых принадлежит английской, а другой — бирманской фонологии.

В некоторых американских и канадских диалектах английского языка в определенных случаях перестают различаться заударные интервокальные [t] и [d], оба реализуясь в виде одноударного переднеязычного сонанта (так называемый *alveolar flap*), который американскими авторами передается в транскрипции с помощью [D]. Соответствующие слова, однако, не смешиваются, что фонетически поддерживается разными реализациями дифтонгов (после которых встречаются упомянутые согласные): ядро дифтонга перед этимологическим [d] имеет большую длительность.

Если принять, что конвергенция распространяется на все случаи при сохранении описываемых компенсаторных различий в предшествующих гласных, то, очевидно, пришлось бы признать, что налицо рефонологизация, состоящая в устранении оппозиции звонких глухим и осуществлении, взамен, противопоставления за счет долгих и кратких гласных, в частности фонологизировавшихся долгих и кратких дифтонгов.

Перейдем к бирманскому примеру. В этом языке краткие тоны — I и IV — сказываются на реализации инициалы последующего слога: инициаль звонкая, если финаль предшествующего слога несет I тон, и глухая, если тон финали предшествующего слога IV (при этом различия по звонкости нефонологичны). В настоящее время эти тоны, вероятно, конвергируют, причем это не влечет за собой изменений в реализации последующих инициалей, т. е. соответствующие слова продолжают различаться.

Таким образом, внешне ситуация вполне аналогична изложенному выше английскому случаю, и, казалось бы, аналогичным должно быть и решение: констатировать, что в итоге происходит рефонологизация, здесь состоящая в замене tonальной оппозиции оппозицией инициалей.

Однако в действительности такое решение было бы неправомерным, и, чтобы пояснить это, целесообразно рассмотреть ситуацию на конкретном примере. Возьмем два слова:

[su¹te²] 'обвиняет', где для первого слога отмечается этимологически IV тон, и [su¹de²] 'собирает', где этимологический тон первого слога — I. Какой фонологической оппозиции соответствует различие [t]/[d]? Кажется естественным ответ — оппозиции [t]/[d]. Однако на деле он приводит к абсурду, ибо, очевидно, из него следует, что указанные слова различаются за счет противопоставления [te²] / [de²], в то время как это одна и та же морфема, показатель настояще-прошедшего времени (причем ее означающие находятся в обоих словах в фонетически идентичных позициях). Очевидно, что в этом случае слова не могли бы различаться таким образом, как это представлено в примере.

Остается предположить, что различие [t] / [d] есть способ выражения оппозиции тонов в предыдущем слоге, и рассматриваемые слова должны транскрибироваться соответственно [su⁴te²] и [su¹te²] (т. е. в этих условиях тональной конвергенции реально не происходит, меняется лишь способ ее манифестации).

Из чего проистекает различие в трактовке вполне аналогичных ситуаций в английском и бирманском языках? Дело здесь именно в том, что фонемы (слоги, инициалы и финалы) не следует рассматривать в составе десигнаторов слов, а следует исходить из десигнаторов морфем. Для английского случая это оказалось несущественным, так как изменения происходили внутри морфемы, для бирманского же, где изменение имеет место на морфемном шве, игнорирование указанного требования приводит к абсурдному результату.

Таким образом, здесь мы наблюдаем, как существенно признание положения, что фонологические единицы соотносятся непосредственно лишь с морфемами, с одной стороны, а с другой — как по-разному оно применяется в слоговых и неслоговых языках. Последнее определяется тем, что в слоговых языках речевая цепь существенно более насыщена морфемными швами.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Ф. Вардуль, О семантике и ее месте в лингвистическом описании, — «Вопросы семантики. Тезисы докладов», М., 1971.
2. М. В. Драгунов, О различных функциональных звуковых единицах языка, — «Исследования по фонологии», М., 1966.
3. Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс, Меморандум о языковых универсалиях, — «Новое в лингвистике», вып. V, М., 1970.
4. А. А. Драгунов, Е. Н. Драгунова, Структура слога в китайском национальном языке, — «Советское востоковедение», 1955, № 1.
5. А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов, Грамматика современного китайского языка, М., 1930.
6. Н. И. Конрад, О национальной традиции в китайском языкознании, — «Вопросы языкознания», 1959, № 6.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

Редколлегия

И. Ф. ВАРДУЛЬ, Н. А. ДВОРЯНКОВ,
Л. В. МАЛАХОВСКИЙ, Ю. Я. ПЛАМ, Г. Д. САНЖЕЕВ
А. Е. СУПРУН, Б. Г. ТАЙЕРБЕКОВ, В. С. ХРАКОВСКИЙ

Ответственный редактор
В. М. СОЛНЦЕВ

Сборник составлен на основе материалов дискуссии по актуальным проблемам семантики, происходившей в Институте востоковедения АН СССР в 1971 г. В сборнике представлены статьи по широкому кругу вопросов лингвистической семантики. Часть статей посвящена общим проблемам семантики, другая часть затрагивает конкретные семантические проблемы на материале отдельных языков, преимущественно восточных. Большинство статей посвящено малоизученным и дискуссионным проблемам.

П $\frac{70101-106}{013(02)-74}$ 229-73